

С. Г. Осьмачко

<https://orcid.org/0000-0001-9304-0754>

**Уставы духовных академий 1869 и 1884 гг.:
дискурсивное поле либерального и консервативного нарративов**

В статье рассмотрены проблемы взаимосвязи социального и профессионального (педагогического) начал в текстах уставов православных духовных академий, принятых в России в 1869 и 1884 гг. Показаны задачи, которые стояли перед высшими православными учебными заведениями во второй половине XIX в.: организация педагогической подготовки студентов; разрешение собственно педагогических противоречий (содержание, методика, правосубъектность и пр.); адаптация новых явлений в сфере высшей школы, их адаптация в сфере богословия; оценка научных прорывов в период технического переворота; нравственные проблемы духовного образования и др. Дана характеристика инстанциям и лицам, принявшим положительное участие в реформе высшей духовной школы на основе Устава духовных академий 1869 г. Оценено распределение учебного времени между дисциплинами специализации; а также между «богословскими» и «небогословскими» дисциплинами. Приведена подробная административно-организационная и содержательно-методическая характеристика основных изменений в образовательном процессе; обращено принципиальное внимание на уважительное отношение в руководящих документах ко всем участникам процесса высшего духовного образования; проанализированы основные формы учебной работы, то, как они изменились после принятия Устава 1884 г. Произведено смысловое сравнение этих документов. Рассмотрена единая методическая система преподавания, сложившаяся в духовных академиях к середине 1850-х гг. Интересно представлены подходы студентов и преподавателей к созданию систем конспектов лекционных курсов (литографирование, система «записывающих»). Специально рассмотрена проблема посещаемости студентами учебных занятий: определенные дисциплинарные послабления руководящих документов резко увеличивали число не посещающих лекции и др. Проанализирован опыт проведения такой формы занятий, как репетиции; выделены причины их общей дидактической неудачи.

Ключевые слова: духовная академия, устав, культура, социум, дискурс религиозного и светского, ректор, студенческая корпорация, преподавательская корпорация, литографирование, репетиции, университет.

S. G. Osmachko

**Charters of Spiritual Academies in 1869 and 1884:
Discursive Field of the Liberal and Conservative Narratives**

Here are considered problems of interrelation of social and professional (pedagogical) beginnings in texts of charters of the Orthodox Spiritual Academies accepted in Russia in 1869 and 1884. These tasks are shown which are faced by the highest Orthodox educational institutions in the second half of the 19th century: organization of students pedagogical training; solution of actually pedagogical contradictions (contents, technique, legal personality and so forth); adaptation of new phenomena in the sphere of the higher school, their adaptation in the sphere of divinity; assessment of scientific breaks during the technical revolution; moral problems of spiritual education, etc. Characteristic is given to the agencies and persons who took a positive part in the reform of the higher spiritual school on the basis of the Charter of spiritual academies of 1869. Distribution of study time is estimated between disciplines of specialization; and also between «theological» and «non-theological» disciplines. A detailed administrative-organizational and substantial-methodical characteristic of the main changes in the educational process is given; the basic attention is paid to respect in guidance documents to all participants of the higher spiritual education process; the main forms of study are analysed and how they changed after adoption of the Charter of 1884. Semantic comparison of these documents is made. The uniform methodic system of teaching is considered which developed in spiritual academies in the middle of the 1850-s years. Approaches of students and teachers to creation of systems of lecture course abstracts (lithographing, the system of «writing down») are presented in the interesting way. Is specially considered the problem of attending classes by students: some disciplinary eases of guidance documents sharply increased a number of those who did not attend lectures, etc. It is analysed the experience of carrying out such a form of work as rehearsals; the reasons of their general didactic failure are allocated.

Keywords: spiritual academy, charter, culture, society, discourse of religious and secular, rector, student's corporation, teachers corporation, lithographing, rehearsals, university.

В настоящее время исследователи довольно редко обращаются к историческому опыту отечественной духовной школы, особенно к ее высшему уровню, представленному духовными акаде-

миями, которые имелись в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве и Казани. Высшая духовная школа являлась неотъемлемой частью отечественной духовной культуры и науки, ей приходилось решать важнейшие проблемы методологического, методического и административного характера. Эти проблемы во многом не утратили своей актуальности и до сегодняшнего дня.

Духовные академии занимали ключевые позиции в духовной учебной сфере, так как они не только обеспечивали всю систему педагогическими кадрами, но и были научными экспертно-методологическими и учебно-административными центрами. Именно в духовных академиях формировался епископат, создавалось духовенство, решались возникавшие научно-богословские, церковно-практические проблемы.

Во второй половине XIX в. духовным академиям было необходимо решать следующие задачи:

- организовать педагогическую подготовку студентов академий и семинарий;

- разрешить некоторые проблемы собственно высшего духовного образования: в отношении *учебного процесса* (избыточная многопредметность, перегруженность учебного плана, постановка преподавания, выработка соответствующих методов и методик обучения, информационное обеспечение учебного процесса и пр.) и в отношении *преподавательских и студенческих корпораций* (определение их состава и полномочий, порядка и правил научной работы, присуждения соответствующих учебных степеней, распределения выпускников, проведения воспитательной работы со студентами и пр.);

- выявлять новые тенденции светской высшей школы, адаптировать их к условиям духовного образования;

- давать адекватную оценку развитию науки (богословский ответ на мировоззренческие вызовы современности).

Таким образом, общественное развитие настоятельно требовало вывести высшую духовную школу на более высокий и современный образовательный уровень; определить цель, функции и структуру богословного и светского знания с учетом изменений, происходивших в общественном развитии, изменений в науке во второй половине XIX в.

В это время руководство духовными учебными заведениями осуществляли: Комитет об усовершенствовании духовных училищ (1807-1808 гг.), Комиссия духовных училищ (1808-1839 гг.), Духовно-учебное управление при Святейшем Сино-

де (с 1839 г.) и Учебный комитет при Святейшем Синоде (с 1867 г.). В ряде случаев внешнее управление духовными академиями осуществляли архиереи академических городов; в частности, в отношении Московской духовной академии (МДА) таковым лицом являлся Митрополит Московский и Коломенский.

Этим руководящим инстанциям, как и ректорам духовных академий, пришлось осуществлять реформу высшей духовной школы. *Необходимость реформы предопределялась следующими факторами:*

- во-первых, развитием науки и ее соотношением с богословием. Успехи естественных наук широко раздвинули горизонты научного знания и потребовали взвешенного, научного ответа со стороны богословия; достижения гуманитарных наук прямо полемизировали с богословской точкой зрения на мир и на человека. В этой ситуации требовались ученые-богословы принципиально нового уровня, способные адекватно реагировать на общественные вызовы. Новое значение приобретала и духовная ученость выпускников академии, ранее носившая сословно-замкнутый характер, а потому находившаяся в большей степени вне критики. В октябре 1856 г. обер-прокурором Святейшего Синода был назначен граф Д. А. Толстой. Под его руководством была немедленно проведена ревизия (проверка) духовной школы, которая показала «безжизненность» читаемых предметов, нерациональную методику преподавания и слабость преподавательского состава [9, с. 64];

- во-вторых, изменением административно-управленческой ситуации. Реформы духовного образования стимулировались разработкой новых университетских уставов, происходившей, например, в 1857-1863 гг. На рубеже 50-60-х гг. XIX в. в российском обществе университеты выглядели оплотом свободного научного поиска, а догматичная и схоластичная духовная школа как раз и не обещала свободы научного труда. Не случайно в этот период обозначился рост количества выпускников семинарий, которые не желали продолжать обучение в духовных академиях. Способные семинаристы чаще предпочитали университеты. Например, в 1860 г. В. О. Ключевский оставил Пензенскую семинарию, не закончив духовного образования. Свой выбор в пользу университета он объяснил «скудостью, не насыщающую тех, кто жаждал реальных знаний» [3, с. 43].

В этой же плоскости лежит и ответ на вопрос, почему в России высшее духовное образование изначально было организовано по схеме, предполагавшей позже неизбежную его структурную модернизацию. Надо обратить внимание на церковную политику Петра I и его последователей, приведшую к решительному разграничению между высшим духовным и университетским образованием (вопреки европейской традиции соединять в университете факультеты светских и богословских наук). В России же, еще со времени образования Академии наук, богословие отказалось от общенаучного поля, из-за чего обрело сословно-идеологическую замкнутость, тем более оставаясь в ведении Святейшего Синода.

Во второй половине XIX в. обстановка и настроения «великих реформ» вынудили духовные академии, не имевшие до этого времени единых учебных планов, программ и квалификационных требований, перестраиваться по университетскому образцу (устав 1863 г.).

Реформаторский дух в стране отразился и на университетах, где росло значение коллегиальных управленческих инстанций – Совета и факультетских собраний. Трудно не согласиться с мнением многих авторов о завышенности позитивной характеристики университетской демократии образца 1863 г.; не следует забывать, что «университетская автономия оказалась ограниченной рамками государственности» [4, с. 152], но и отрицать ее воздействие на мыслящий слой общества нет никаких оснований.

Можно выделить еще несколько факторов, продвигавших к жизни реформу духовной школы. Среди них:

- недостаточная образованность будущих пастырей и их учителей;
- скудость финансирования учебных заведений, малый объем должностных обязанностей в них;
- неудовлетворительное нравственное воспитание студенчества.

Вдохновителем академических преобразований 60-х гг. XIX в. выступили обер-прокурор Святейшего Синода граф Д. А. Толстой, председатель Духовного учебного комитета протоиерей И. В. Васильев и ректор столичной духовной академии протоиерей И. П. Янышев. В 1858 г. император Александр II в целях ознакомления с состоянием духовных учебных заведений посетил Ярославскую, Вологодскую, Нижегородскую и Литовскую семинарии. Одновременно им были затребованы компетентные мнения ректоров акаде-

мий и семинарий о необходимости, сущности и содержании реформ духовной школы.

Работа шла довольно быстро, и уже 14 мая 1867 г. император утвердил устав семинарий, в соответствии с которым отныне духовные академии освобождались от излишней для них административной функции – управления семинариями и училищами своего округа. Задача подготовки педагогических кадров для духовных учебных заведений среднего звена с академией не снималась. Более того, в 1866 г. в их учебные планы был введен самостоятельный курс педагогики, а на следующий год даже созданы специальные кафедры педагогики «для обеспечения сети семинарий учительскими кадрами» [9, с. 82]. После 1869 г. кафедры педагогики были слиты с кафедрами нравственного богословия [2, с. 79].

Одновременно с утверждением устава семинарий 14 мая 1867 г. император своим указом предоставил духовным академиям право выписывать из-за границы книги и периодические издания научного содержания без предварительного цензурного рассмотрения. В этом отныне духовные академии уравнивались с Академией наук и университетами. Важность подобной преференции очевидна: из-за позиции цензоров научная литература часто и подолгу задерживалась в доступе, что мешало научно-педагогической деятельности академий. Однако, как ни странно, «указ не был своевременно разослан по академиям; лишь в столичной академии о нем знали из первых рук» [9, с. 126]. Впоследствии это и другие права духовных академий были подтверждены в их новом уставе.

30 мая 1869 г. Александр II утвердил Устав духовных академий, в котором особое внимание обращалось на «развитие высшего образования для просвещенного служения Церкви» [9, с. 152].

Содержание Устава 1869 г. характеризовалось следующим:

1. Управление. Ректор академии (который отныне мог быть представителем белого духовенства), его помощники (ассистенты) избирались тайным голосованием с последующим утверждением в должности Святейшим Синодом. Вопросы управления, обучения и воспитания студентов находились в компетенции академического Совета. Различались два вида собраний Совета:

- общие, куда приглашались все ординарные и экстраординарные профессора, на которых рассматривались важнейшие общеакадемические вопросы;

– обыкновенные, состоявшие только из ректора и его помощников, проректоров, инспектора академии и шести профессоров (по два от каждого отделения), на которых рассматривались вопросы текущего характера.

Низшей административной инстанцией академии являлись отделения – богословское, церковно-историческое и церковно-практическое. Во главе каждого отделения находился проректор, который избирался на четыре года из числа ординарных профессоров и, как отмечалось выше, представлял интересы отделения в Совете и в правлении академии. В состав каждого отделения входили профессора основных предметов.

Правление академии ведало исключительно хозяйственными вопросами; в его состав входили ректор, инспектор и почетный блюститель по хозяйственной части.

2. Специализация и содержание обучения.

Вводимая специализация по трем отделениям потребовала перестройки учебного плана и расширения количества изучаемых дисциплин (дело дошло до того, что на церковно-историческом и церковно-практическом отделениях «небогословские» науки количественно преобладали над «богословскими»). Разрешалось вводить новые предметы.

Общеобязательными для студентов всех отделений были следующие предметы: Священное Писание, основы богословия (введение в богословие), философия (логика, психология и метафизика), история философии, педагогика, один из древних языков (греческий или латинский) и литература на нем, один из современных языков (французский, немецкий или английский).

К предметам церковно-исторического отделения относились: Библейская история Ветхого и Нового Заветов, всеобщая церковная история, история Русской Церкви, история и обличение русского раскола, русская гражданская история и всеобщая светская история.

К предметам богословского отделения относились: догматическое, нравственное и обличительное богословие, патристика, древнееврейский язык, Библейская археология.

К предметам церковно-практического отделения относились: пастырское Богословие, гомилетика, история проповедничества, церковная археология, литургия, каноническое (церковное) право, всеобщая словесность, история русской литературы, русский язык и пр.

3. Преподавательская корпорация. В штат каждой академии входили девять ординарных и

девять экстраординарных профессоров, восемь доцентов и три преподавателя современных иностранных языков. Академии позволялось иметь сколько угодно приват-доцентов на положении внештатных сотрудников.

Для получения должности экстраординарного профессора достаточно было диплома магистра богословия, а ординарного – доктора богословия.

Порядок и процедура защиты магистерских и докторских диссертаций (публичность, оппонирование, публикаторство) были очень близки к порядку, принятому в современной высшей школе.

Проблема состояла лишь в том, что преподаватели «небогословских» дисциплин должны были защищать в академии богословские диссертации, привязывая, например, историческую тематику к церковной. Это, безусловно, снижало научный потенциал светского знания и отделяло историков церкви от светских историков.

Магистерские диссертации защищали выпускники академии. Степень доктора богословия присуждалась после защиты соответствующей диссертации и при условии, что ее соискатель уже был магистром.

Богословские предметы преподавали только духовные лица, а общеобразовательные могли вести и светские профессора.

Жалование преподавателей академий приравнивалось к жалованию преподавателей университетов.

4. Студенты. Обучение в академии было рассчитано на четыре года. За первые три года студенты проходили «полный курс наук» и представляли выпускную («квалификационную») работу, на основании которой (после процедуры одобрения) выпускникам присваивалась степень кандидата богословия.

На четвертый курс допускались только отличники, которые далее готовились к преподавательской деятельности. В процессе последнего года обучения студенты, кстати, имевшие право специализации, сдавали магистерские экзамены и готовили к защите магистерскую диссертацию.

5. Академические свободы. Помимо указанного выше права бесцензурной выписки иностранных научных книг и журналов, академии отныне могли устраивать публичные чтения, основывать ученые общества, издавать научные труды и материалы источниковедческого характера, не подвергавшиеся отныне цензуре [6, с. 107].

Все вышеперечисленное позволяет *оценить преобразование 1869 г. как настоящую реформу высшей духовной школы.* Такой точки зрения

придерживается большинство исследователей (например, Н. Я. Сухова и др.). Напротив, Б. Г. Литвак видит в происшедших изменениях только ряд разрозненных частных улучшений, не более.

Главным результатом вышеперечисленных преобразований стала существенная активизация научно-исследовательской деятельности в духовных академиях. После упразднения духовных учебных округов и устранения обязанностей по руководству духовными училищами и семинариями преподавательский состав стал гораздо больше заниматься наукой. Отделенческая специализация давала педагогам реальную возможность научного и учебно-методического совершенствования.

В значительной степени стимулировало исследовательскую работу требование штатно-категориального разряда: ординарный профессор должен был иметь степень доктора богословия, а экстраординарный профессор и доцент – степень магистра.

Студенты – после введения специализации освобожденные от многопредметности – активнее вовлекались в научно-исследовательский процесс. «После введения в действие, новый учебный план Устава 1869 г. принес много добрых и ценных плодов, – писал историк Церкви И. К. Смолич. – Студенты стали несравненно серьезнее, чем прежде, относиться к изучению наук, в особенности отделенских. Вообще во всех классных занятиях прошла какая-то бодрая, живая струя» [8, с. 462].

Общие учебные интересы способствовали сближению преподавателей и студентов, последним доставалось больше внимания профессуры, чем в прежние времена, и они с гордостью начинали чувствовать себя не школярами, а «младшими профессионалами» [9, с. 187].

К середине 50-х гг. XIX в. в академиях сложилась *единая методическая система преподавания* (основные формы занятий – лекции, сочинения, репетиции, экзамены), сориентированная на развитие собственных сил и деятельность мышления обучающихся. Эта система предполагала, с одной стороны, системность, творчество, самостоятельность, хорошее знание источников; с другой стороны, ей были свойственны излишняя увлеченность формально-отвлеченными рассуждениями, свойственными догматическому богословию, препятствовала развитию научно-исследовательских тенденций в академическом образовании. Это

противоречие самым решительным образом влияло на педагогический процесс.

Чтение лекций. С 20-х гг. XIX в. в лекционной практике духовных академий обозначились две следующие тенденции:

- чтение по печатным учебникам («классическим книгам»);
- чтение по преподавательским конспектам (т. н. преподавательские лекционные записки).

Последняя тенденция реально проявилась в 50-60-е гг. XIX в., несмотря на то, что разрешение использовать лекционные конспекты преподавателям было дано еще в 1837 г. Причем в этом же год чтение лекций было разрешено с использованием русского языка.

Система чтения лекций постепенно менялась, и при этом возникали те или иные проблемы. Научные интересы преподавателей-специалистов способствовали расширению источниковедческих и историографических фрагментов, углубленному рассмотрению отдельных разделов и тем. При этом нехватка лекционного времени не позволяла комплексно и системно изложить преподаваемый предмет. Спецкурсы в таких условиях не читались.

У преподавателей имелись достаточно широкие учебные возможности: от них не требовалось составления учебной программы перед началом занятий (лектор лишь предоставлял отчет о прочитанном по итогам года). То есть, любой преподаватель-специалист мог свободно планировать структуру читаемого курса, последовательность тем и разделов, рекомендованные источники и темы научных сочинений.

Устав 1869 г. требовал от преподавателей-специалистов внедрения в учебный процесс последних научных достижений по своему предмету. Но конкретных рекомендаций не давалось, и каждый лектор мог действовать по своему усмотрению. Все педагоги много работали над усовершенствованием лекционных курсов, но действовали при этом по-разному: одни старались сохранить фундаментальность и последовательность излагаемого материала; другие (явное большинство) пытались построить лекционный курс поновому, в проблемном ключе, излагая преимущественно темы спорного научного характера. Вполне естественно, что при таком подходе лекторы часто уделяли явно избыточное внимание, прежде всего, темам своих научных изысканий – однозначно в ущерб полноте и целостности читаемых курсов.

Эта проблема, впервые возникнув в 1869 г., уже через несколько лет стала серьезным препятствием в нормальном развитии образовательного процесса.

31 декабря 1870 г. Святейший Синод разрешил литографирование лекций, но только самим преподавателям (причем литографирование не вменялось в обязанности педагога). Однако большинство преподавателей отрицательно относились к литографированию и не готовили курсы для этого, полагая, что подробная практика будет расхолаживать учебный порыв студентов, как бы отменять необходимость обязательного посещения занятий, внимательной и осмысленной работы, в том числе в течение всего учебного года.

Таким образом, составление конспектов студентами было необходимо. В студенческой среде использовалась следующая нехитрая технология конспектирования: выделялись группы «записывающих», затем их записи совмещались, обрабатывались, составляя максимально полноценный вариант записанных лекций, по которому обучающиеся и готовились к экзаменам. Благодаря такой практике накопления лекционных конспектов позже удалось издать уникальные лекционные курсы лучших профессоров. К сожалению, в этот период преподавателям не удалось разработать фундаментальных учебных пособий по базовым дисциплинам, что вытекало и из нехватки времени, и из недостаточной методолого-методической квалификации самих преподавателей.

Серьезной проблемой оставалась посещаемость лекционных занятий студентами, особенно по общеобразовательным предметам. Устав 1869 г., поощряя студентов к самостоятельной и ответственной учебной работе, всячески демонстрировал уважение к их свободе. Однако, как это часто бывает, с другой стороны, тем самым ослаблялся официальный контроль над посещаемостью лекций. Конечно, многое зависело от строгости администрации, порядка в учебном заведении, но (и это показывали регулярные ревизии) проблема посещаемости остро стояла во всех духовных академиях России.

Студенты более дисциплинированно относились к посещению лекций по дисциплинам специализации, так как понимали, что именно здесь происходило приобщение к будущей профессии. Да и контакт лектора в отделенческом случае (10-15 чел.) со слушателями был и теснее, и продуктивнее, нежели с 40-60 чел. во время лекции по общеобязательной дисциплине.

В это время так же существовала практика пробных лекций. Обычно две таких лекции читали выпускники духовных академий, допущенные к академическому преподаванию [5, с. 56].

Самостоятельная работа студентов духовных академий в основном была посвящена написанию сочинений (своего рода научных рефератов). Эта форма научной работы преимущественно использовалась преподавателями и обеспечивала занятость студентов. В 1859 г. число сочинений на младших курсах было официально сокращено с семи-девяти до трех в год, но возросли требования к ним: от авторов отныне требовалось не только проводить логические рассуждения по теме, но и выстраивать научное исследование, работать с источниками, владеть сравнительным и критическим анализом, уметь делать обоснованные выводы научно-теоретического и конкретно-практического характера.

В 1866 г. число обязательных сочинений было вновь увеличено. У многих преподавателей эта форма учебной работы не вызывала дидактического доверия. Сочинения отнимали у студентов почти все время самостоятельной работы, не давая при этом возможности заниматься, например, научными исследованиями с рекомендованными источниками и пособиями.

По воспоминаниям студентов, в действительности очень немногие преподаватели методически руководили деятельностью студентов при написании ими сочинений (консультировали, разрабатывали структуру и методологию исследования, помогали с составлением списка литературы и т. п.); большинство педагогов, сконцентрировавшись над совершенствованием лекционных курсов, считали главной задачей обучающихся адекватное изложение даваемого им лекционного материала; некоторые преподаватели больше внимания обращали на использование отвечающими студентами рекомендованной литературы и источников; третьи – на умение проводить самостоятельные логические рассуждения и пр.

Но баллы, начисляемые студентам за выполнение учебных заданий, полученные за сочинения, ценились выше, чем баллы, полученные за экзаменационные ответы. Например, Совет МДА установил точную «математическую» расценку соотношения баллов: балл, полученный за семестровые сочинения, считался в четыре раза выше балла, полученного за устный ответ на экзамене, а за кандидатское сочинение – в двенадцать раз [5, с. 216].

По мнению всех, кто обучался или работал в духовной академии, первые два курса были периодом «ученичества» (в университетах сочинения на младших курсах не практиковались). В академиях студенты, работая над сочинениями, «созревали» для написания кандидатского сочинения – выпускного на третьем курсе, на звание кандидата богословия. Неудовлетворительная оценка за выпускное кандидатское сочинение закрывала студенту путь на четвертый курс академии. Но такие оценки выставлялись крайне редко, абсолютное большинство студентов успешно проходили это испытание.

Поскольку студенты имели право выбора и темы кандидатского сочинения, и научного руководителя, отдельные преподаватели были буквально завалены этой работой, а другие могли не иметь подобной нагрузки вообще.

Иными словами не удавалось наладить методически грамотное педагогическое сопровождение написания сочинений (особенно кандидатских). В этом отношении следует помнить, что кандидатская работа являлась основой магистерской диссертации и давала возможность начала серьезного научного исследования.

Отдельные преподаватели в порядке личной инициативы пытались проводить и другие формы занятий. Ректор МДА протоиерей А. В. Горский, видя, как студенты тяготеют сочинениями, предлагал давать им научные работы (диссертации, монографии, статьи и пр.) для критического разбора и сравнительного анализа. В МДА в 1876-1877 гг. В. О. Ключевский, имевший опыт проведения университетских семинаров, пытался привнести эту форму учебных занятий в академический образовательный процесс. Но дело не пошло, так как студенты являлись на занятия неготовыми, стремились к формальному обсуждению проблем, а научная дискуссия в таких условиях превращалась в пустое словопрение [9, с. 88-89, 188, 189, 224, 225].

Таким образом, принципиального положительного разрешения проблема оптимальной организации самостоятельной работы студентов духовных академий не получила.

Проведение экзаменов. Устав 1869 г. изменил саму методику проведения экзаменов: студентов опрашивали по лекциям, прочитанным им в течение года; опрашивались все студенты по всем предметам; ответы оценивались по пятибалльной системе. Устав так же предоставлял преподавателям право проводить *репетиции* – своеобразные формы промежуточного контроля знаний студен-

тов (своеобразные срезы). В реальности репетиции или не проводились вовсе, или это делалось так редко, что о них не вспоминали. Обычно репетиции проводились начинающими преподавателями, особенно ревностно относящимися к педагогическому долгу и служебным обязанностям.

Поступающие в академию сдавали вступительные экзамены («приемные испытания»), которые включали представление сочинений (по богословию и философии), а также собственно устные ответы (по догматическому богословию, библейской и церковной истории, классическим и новым языкам).

В 1881 г. особым указом Святейшего Синода были облегчены вступительные экзамены для выпускников духовных семинарий (у них учитывались оценки аттестата) [6, с. 107].

Н. Ф. Каптерев вспоминал, как принимал вступительные экзамены «отец-ректор» А. В. Горский: «К числу особенностей его экзаменаторства надо отнести особую деликатность и, так сказать, осторожность при предложении вопросов студентам; ничего похожего на запугивание, привязчивость у Александра Васильевича не было. На неясные, неточные вопросы он обычно говорил «Нет-с, это не так», или «Не совсем так» и вообще в этом роде. На приемных экзаменах он спрашивал из своей науки по порядку, а студенты вызываемы были в разбив» [2, с. 81].

Тем самым руководитель академического колледжа демонстрировал сам, давая урок другим, уважительное, гуманное отношение к студентам; осуществлял консультирование, показывал привлекательность научного подхода, прекрасное знание текста и источников.

Устав духовных академий 1869 г. имел в основном положительное значение, так как позволил академической науке развиваться, создавал условия для развития студентов, предоставил значительные полномочия Советам и преподавательским корпорациям. Почему же он был отменен?

20 апреля 1884 г. император Александр III утвердил новый Устав православных духовных академий. В § 1 этого документа провозглашалось: «Православная духовная академия имеет целью доставлять высшее богословское образование в духе православия, для просвещенного служения Церкви на пастырском, духовно-учебном и других поприщах деятельности» [10, с. 2].

Разработанный под патронажем небезызвестного обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, Устав 1884 г. был направлен не столько на научное образование будущего ду-

ховенства, сколько на подготовку политически и конфессионально благонадежного церковно-административного персонала.

Прежде всего отменялась подготовка студентов по отделениям (ликвидация специализации). Отныне учебным планом выделялись обязательные предметы и предметы по выбору (первая группа – словесные, вторая – исторические).

Обязательными предметами являлись: введение в богословие, Священное Писание, Библейская история, догматика, нравственное богословие, гномилетика, история проповеди, пастырское богословие, педагогика, церковное право, история Вселенской Церкви до разделения Церквей, история православной Восточной Церкви, история Русской Церкви, патристика, церковная археология, литургистика, философия (логика, психология, метафизика, история философии).

К числу словесных дисциплин относились: теория словесности, всеобщая история, русский и церковно-славянский языки, палеография, история русской литературы, древнееврейский язык и Библейская археология.

Дисциплинами исторического цикла являлись: история и разбор западных вероисповеданий, история и обличение русского раскола, всеобщая светская история, русская гражданская история, один древний и один современный иностранный языки.

Выборы ректоров и инспекторов отменялись, они вновь стали назначаться Святейшим Синодом (причем с 1884 г. ректорами академий стали назначать только монахов, имевших ученые степени). Реальная власть ректора усилилась, он объявлялся «непосредственным, ближайшим начальником академии по всем частям ее управления», а указом Синода (1895 г.) подтверждалось право ректора осуществлять «надзор за направлением преподавания».

Кандидаты на преподавательские вакансии не выбирались, а представлялись епархиальным архиереем на утверждение Святейшего Синода.

Так же существенно снижалась компетенция академического Совета: из его ведения были исключены некоторые административные, учебные и хозяйственные вопросы; сама жизнедеятельность Совета отныне жестко контролировалась епархиальным архиереем, утверждавшим академические постановления, в том числе о зачислении или увольнении студентов, присвоении званий, степеней и пр.

Студенты уже не выбирали себе специальность как основу будущей научной деятельности, их

просто готовили для преподавательской работы в семинариях. Программа обучения была рассчитана на четыре года, причем выпускной курс уже не имел прежних особых задач. Кандидатская диссертация писалась параллельно с обычной курсовой работой.

Вводились три степени магистра и доктора по специальности – богословия, церковной истории и канонического права. Была отменена публичность магистерских диспутов, а докторская степень присуждалась вообще без защиты, на основании отзывов двух рецензентов.

Все вышеперечисленное привело к существенному снижению научно-методологического уровня православных академий [6, с. 108; 7, с. 26, 34]. Крупнейший историк Церкви профессор Санкт-Петербургской духовной академии Н. Н. Глубоковский оценивал новый Устав духовных академий весьма жестко: «В академиях наступила эпоха поднадзорности, приведшая к бескровной безответственности при господстве и обилии всяческих стеснений. Видно было, что все эти новшества не выросли органически в качестве естественного жизненного продукта, а привносятся искусственно по соображениям, довольно отдаленным от научно-академических задач» [1, с. 5; 8].

Таким образом, регламентация образовательной деятельности, осуществляемая в соответствии с Уставами духовных академий 1869 и 1884 гг., имела в основном противонаправленный, а в чем-то взаимоисключающий характер. Устав 1869 г., предоставив существенные свободы духовным академиям, преподавательским и студенческим корпорациям, серьезно стимулировал рост качества научной работы педагогов и студентов, во многом оптимизировал учебно-методическую деятельность; хотя введение отделенческой специализации и привело к некоторому снижению уровня богословской подготовки выпускников. Административные круги РПЦ были явно напуганы появлением в студенческой среде вольнодумства и диссидентства, стремлением части выпускников академий избежать карьеры священника. Эти явления, по мнению высших иерархов РПЦ, происходили из общей обстановки внутри страны. Поэтому разработанный под руководством К. П. Победоносцева новый Устав духовных академий 1884 г., ликвидировав студенческую специализацию, ограничив самостоятельный научный поиск и пр., одновременно загрузил студентов изучением (в сверхнормальных объемах) общеобразовательных и богословских дисциплин. Дела-

лось это явно в целях формирования нерассуждающего, законопослушного и политически благонадежного священнослужителя, который смог бы реализовать в массах верующих идеологические установки государства.

Библиографический список

1. Глубоковский, Н. Н. За тридцать лет (1884-1914) [Текст] / Н. Н. Глубоковский. – М., 1914. – 419 с.
2. Заварзина, Л. Э. «Отец-ректор» А. В. Горский [Текст] / Л. Э. Заварзина // Педагогика. – 2008. – № 4. – С. 79-83.
3. Ключевский, В. О. Письмо к Н. П. Гвоздеву от 3 сентября 1861 г. [Текст] / В. О. Ключевский // Письма В. О. Ключевского к Н. П. Гвоздеву (1861-1870 гг.). – М., 1924. – 174 с.
4. Олесюк, Е. В. и др. Российская высшая школа (этапы развития до 1917 г.) [Текст] / Е. В. Олесюк // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 3. – С. 145-164.
5. Осъмачко, С. Г. Н. Ф. Каптерев: историко-методологическое наследие и современность [Текст]: монография / С. Г. Осъмачко. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. – 144 с.
6. Отечественная история [Текст]: энциклопедия: в 5 т. – Т. 2. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – 1084 с.
7. Плеханов, Е. А. Педагогика в духовных академиях России [Текст] / Е. А. Плеханов // Педагогика. – 2003. – № 6. – С. 75-88.
8. Смолич, И. К. История Русской Церкви. Кн. 8. 1700-1917 [Текст] / И. К. Смолич. – Ч. 1. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского монастыря, 1991. – 517 с.
9. Сухова, Н. Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века) [Текст] / Н. Ю. Сухова. – М.: ПСТГУ, 2006. – 450 с.
10. Тарасова, В. А. Профессор Н. Н. Голубинский и реформы высшей духовной школы в России в конце XIX – начале XX в. [Текст] / В. А. Тарасова // Вестник МУ. – Сер. 8. История. – 2001. – № 4. – С. 25-40.
11. Устав православных Духовных академий [Текст]. – СПб., 1884. – 56 с.
2. Zavarzina, L. Je. «Otec-ректор» A. V. Gorskij «Father-Rector» A. V. Gorsky [Tekst] / L. Je. Zavarzina // Pedagogika. – 2008. – № 4. – S. 79-83.
3. Ključevskij, V. O. Pis'mo k N. P. Gvozdevu ot 3 sentjabrja 1861 g. = The letter to N. P. Gvozdev dated from September 3, 1861 [Tekst] / V. O. Ključevskij // Pis'ma V. O. Ključevskogo k N. P. Gvozdevu (1861-1870 gg.). V. O. Ključevskij's letters to N. P. Gvozdev (1861-1870). – M., 1924. – 174 s.
4. Olesjuk, E. V. i dr. Rossijskaja vysshaja shkola (jetapy razvitija do 1917 g.) The Russian higher school (development stages till 1917) [Tekst] / E. V. Olesjuk // Social'no-gumanitarnye znanija. – 2008. – № 3. – S. 145-164.
5. Os'machko, S. G. N. F. Kapterev: istoriko-metodologičeskoe nasledie i sovremennost' = N. F. Kapterev: historical and methodological heritage and present [Tekst]: monografija / S. G. Os'machko. – Jaroslavl': Izd-vo JaGPU, 2008. – 144 s.
6. Otechestvennaja istorija = National history [Tekst]: jenciklopedija: v 5 t. – T. 2. – M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1999. – 1084 s.
7. Plehanov, E. A. Pedagogika v duhovnyh akademijah Rossii = Pedagogics in spiritual academies of Russia [Tekst] / E. A. Plehanov // Pedagogika. – 2003. – № 6. – S. 75-88.
8. Smolich, I. K. Istorija Russkoj Cerkvi. Kn. 8. 1700-1917 History of the Russian Church. Book 8. 1700-1917 [Tekst] / I. K. Smolich. – Ch. 1. – M.: Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo monastyrja, 1991. – 517 s.
9. Suhova, N. Ju. Vysshaja duhovnaja shkola: problemy i reformy (vtoraja polovina = XIX veka) = The higher spiritual school: problems and reforms (the second half of the XIX century) [Tekst] / N. Ju. Suhova. – M.: PSTGU, 2006. – 450 s.
10. Tarasova, V. A. Professor N. N. Golubinskij i reformy vysshej duhovnoj shkoly v Rossii v konce = XIX – nachale = XX v. = Professor N. N. Golubinsky and reforms of the higher spiritual school in Russia at the end of XIX – the beginning of XX [Tekst] / V. A. Tarasova // Vestnik MU Bulletin of MU. – Ser. 8. Istorija. – 2001. – № 4. – S. 25-40.
11. Ustav pravoslavnyh Duhovnyh akademij = Charter of Orthodox Spiritual academies [Tekst]. – SPb., 1884. – 56 s.

Reference List

1. Glubokovskij, N. N. Za tridcat' let (1884-1914) In thirty years (1884-1914) [Tekst] / N. N. Glubokovskij. – M., 1914. – 419 s.